

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-9-25

Категориальная дихотомия Gemeinschaft/Gesellschaft в социологической классике: Тённис — Вебер — Фрайер — Парсонс*

О.В. Кильдюшов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия
(e-mail: kildyushov@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена эвристической динамике в семантической истории понятий Gemeinschaft/Gesellschaft, которые активно использовали классики социологии в концептуализации качественного отличия современного общества от предшествующих форм социальной жизни. Автор отмечает широкую популярность представлений о стадийных коннотациях данных категорий, обычно понимаемых как сменяющие друг друга типы социальности: если Gemeinschaft рассматривается как изначальная форма традиционной органической общности, то Gesellschaft характерен для массового урбанизированного общества эпохи модерна. Показана структурная связь ранних социологических концептов с философией истории модерна как аналитическим (само)описанием современных обществ. Реконструируется динамика взглядов Ф. Тённиса, использовавшего понятийную пару не только для дескрипции исторически конкретных ситуаций культурного развития, но и в качестве идеально-типических абстракций — как эвристически ценных инструментов анализа. Показана попытка позднего Тённиса релятивировать противоположность двух типов обобществления человека путем указания на одновременность их присутствия в любых социальных взаимодействиях. Кратко обсуждается развитие тённисовских концептов М. Вебером в виде процессуальных понятий Vergemeinschaftung/Vergesellschaftung как социальных отношений, идеально-типически ориентированных на ценностную и целевую рациональность соответственно. Подчеркивается резкая политизация семантического поля понятия Gemeinschaft в Германии межвоенного периода, где оно стало одним из маркеров общественно-политической поляризации. Далее описана разработка дифференцированной теории Gemeinschaft в социологии

* © Кильдюшов О.В., 2023

Статья поступила 16.09.2022 г. Статья принята к публикации 10.12.2022 г.

Х. Фрайера, а также попытка нацистов сделать понятие ключевым для своей теории гомогенного общества. Обсуждается активная рецепция тённисовских категорий в американской социологии, прежде всего Т. Парсонсом, и подчеркивается его вклад в развитие эвристики, связанной с проблематизацией способов социализации и интеграции в больших обществах типа американского посредством малых солидарных групп. В последней части статьи подчеркнута непреходящая значимость данной топика для позднего модерна, в структуре социального действия которого в смешанной и транзитивной форме присутствуют элементы как общности, так и общества.

Ключевые слова: Gemeinschaft; Gesellschaft; типы социальности; солидарные общности; общество модерна; социальная интеграция; Тённис; Вебер; Фрайер; Парсонс

В начале 1930-х годов Х. Фрайер отметил, что значительную часть истории социологии, особенно немецкой, несложно представить в виде истории понятий Gemeinschaft и Gesellschaft и их соотношения друг с другом, поскольку эта пара охватывает почти весь круг проблем любой социологической системы. Главной заслугой Ф. Тённиса он считал переформулировку давно известных категорий в современной форме и превращение их оппозиции в центральную ось понятийной конструкции социологии [20. С. 182]. Попытаемся в кратком экскурсе в историю немецкой социологии конца XIX — первой трети XX века реконструировать основания оценки Фрайера с точки зрения фундаментальной эвристики социального.

Традиционная версия истории понятия Gemeinschaft выглядит примерно так: классик социологии Тённис в своем главном труде «Gemeinschaft und Gesellschaft» (1887) впервые провел четкое различие между понятиями «общность» [13] (другие варианты перевода на русский язык: община [7. С. 164–179], сообщество [6]) и «общество» как двумя базовыми формами социальности в культурной истории человечества. Первый тип обобществления человека является исторически и структурно изначальным, характерным для большей части истории и проявляющимся в квазиприродных, «органических» «мы»-группах вроде семьи и народа. Этот исходный вид совместной жизни считается аутентичным и полноценным, так как соответствует «сущностной воле» к реальному единству во множестве. Модельной для Тённиса формой здесь выступали семья и брак как «совершенная жизненная общность» (*communio totius vitae*), однако в более слабом виде к общностям относились и другие виды первичных групп, например, соседство и товарищество.

В соответствии с канонической версией истории понятия в процессе развития Gemeinschaft в виде различных органических сообществ судьбы постепенно, но неумолимо вытесняется обществом как механической конструкцией межчеловеческого взаимодействия, например, в больших городах и огромных политических образованиях типа государств современного типа. Здесь уже проявляется «избирательная воля» (1) к абстрактной множественности в единстве, основанная на более или менее свободном выборе человеком своей «мы»-группы на основании общности интересов, а не в силу тради-

ции или совместного прошлого. Для этого типа обобществления характерны эгоизм как ведущий мотив социального поведения рациональных акторов, их взаимное отчуждение внутри большой «мы»-группы, доминирование материальных, прежде всего экономических, интересов (стремление к личной выгоде), готовность к эксплуатации ближнего в погоне за прибылью и т.д. В данной оптике модерное общество предстает как продукт социального разложения или вырождения, наступающего по мере неуклонного исчезновения различных форм жизни в традиционных общностях.

Подобную историко-эволюционную интерпретацию концепции Тённиса можно найти во многих философских [17] и социологических [8] словарях: если под *Gemeinschaft* понимается естественно (органическая) или спонтанно складывающаяся совместная жизнь людей в солидарной «мы»-группе, конституированной общностью происхождения, судьбы и базовых ценностей, то для сменяющего ее *Gesellschaft* характерны рациональные формы организации, прагматически ориентированные на достижение определенных целей и связанные общностью интересов. В качестве идеально-типических для *Gemeinschaft* предстают семья как общность любви, имущества и личной судьбы и народ как общность языка, культуры и коллективной судьбы. *Gesellschaft* как принципиально иной тип социальности лучше всего репрезентируется целенаправленно и целерационально организованными формами совместной жизни, труда и взаимодействия, основанными на формальном договоре или конвенциях взаимно отчужденных и эгоистически мотивированных акторов модерного типа.

Данная контрастная эволюционная схема смены изначальной социальности *Gemeinschaft*, которая была основана на естественной, инстинктивной воле и внутренне мотивированных действиях акторов (например, на родственных чувствах или дружеской эмпатии), исторически более поздней формой *Gesellschaft* на базе рассудочной воли и возможности рационального выбора целей и средств их достижения (прежде всего в хозяйственной деятельности современного типа) имеет вполне конкретный социально-исторический денотат. Она опирается на идею фундаментальной социальной трансформации — постоянно усиливающегося перехода в Новое время от традиционных связей (патриархальных, феодальных или иных форм личной зависимости) к современным общественным отношениям контрактного типа на основе баланса интересов (например, в рамках капиталистической экономики, прежде всего в торговле). С точки зрения истории идей очевидно, что тённисовская модель структурно была очередной вариацией устойчивого в тогдашней социально-теоретической мысли топоса о принципиально новом качестве модерного общества в сравнении с досовременными формами человеческого общежития. Известный польский историк социологии Е. Шацкий приводит несколько примеров такого рода парных концепций, относя их к одной «теоретической семье»: оппозиция военного и промышленного общества

у Сен-Симона, Конта и Спенсера, ранние общественно-экономические формации и капитализм у Маркса, механическая и органическая солидарность у Дюркгейма и многие другие категориальные дихотомии, не получившие столь широкой известности в истории мысли [18. С. 588–589].

В этом историко-теоретическом контексте для современников и последующих поколений социологов была очевидна дискурсивная связь концепции Тённиса с популярным в модерной мысли жанром аналитической философии истории, пусть и в заметно консервативном изводе, альтернативном большинству известных просвещенческих историософий. Так, представитель следующего поколения социологической классики Т. Гейгер отмечал логическую связь концепции *Gesellschaft* у Тённиса с контрактуализмом и естественным правом эпохи раннего модерна: «его чистая теория *Gemeinschaft* есть не что иное, как признание в приверженности органическому понятию общества, тогда как чистая теория *Gesellschaft* — в тесной взаимосвязи с понятиями естественного права и договора — есть обновление идеи *contrat social*» [21. С. 359]. Для К. Мангейма романтически окрашенное различие естественной привязанности и искусственного, сознательного освобождения служило очередным подтверждением традиции консервативного понимания свободы, альтернативного либеральному и восходящего к специфическим идеям В. фон Гумбольдта, который также синтезировал романтические мотивы с рационализмом просвещенческого типа [26. С. 89–92].

Применительно к развитию модерной социальности в *opus magnum* классика прямо говорится о возникновении из соответствующей *Gemeinschaft* «культуры народности» соответствующей *Gesellschaft* «цивилизации государственности» [13. С. 367]. Позже Тённис объяснял выбор подзаголовка первого издания «Общности и общества» — «Исследования коммунизма и социализма как эмпирических форм культуры» [37] — следующим образом: «Я стремился придать этим понятиям научную форму... При этом в первую очередь меня интересовали реальные явления, “эмпирические формы культуры”. Я пытался определить коммунизм как культурную систему *Gemeinschaft*, а социализм — как культурную систему *Gesellschaft*» [42. С. 59].

При всей доходчивости реконструируемой таким образом объяснительной схемы, тем не менее, было бы большим упрощением противопоставлять *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* как исторически сменяющие одна другую формы социальности. Хотя у Тённиса речь идет об отражающих социальную жизнь исторических понятиях, пусть уже социологизированных в высоко абстрагированном виде, с точки зрения фундаментальной социальной теории основной эвристический интерес представляет идеально-типический анализ феноменов обобществления. В условиях высокоорганизованного модерна на рубеже XIX — XX веков для социального действия были характерны разнообразные сочетания инстинкта и расчета, чувств и интересов, симпатии и отчуждения, разделяемых убеждений и принуждения. Поэтому в статье для «Справочника

по социологии» под редакцией А. Фиркандта (1931), в которой Тённис кратко систематизировал свою концепцию, он поясняет эвристический статус понятий «сущностная воля» и «избирательная воля», определяющих общность и общество как модальности социального. Как бы отвечая критикам, он пишет: «масса волений и действий расположена ближе или склоняется либо к одному, либо к другому случаю. Я называю их нормальными понятиями или понятиями, указывающими направление; они представляют собой идеальные типы, призванные служить масштабом для познания и описания реалий» [12. С. 217].

Данное методологическое пояснение в отношении «социологического волюнтаризма» применимо и к центральной категориальной дихотомии *Gemeinschaft* — *Gesellschaft*, поскольку «сущностная воля заключает в себе условия общности, а избирательная воля порождает общество» [13. С. 241]. Попытки истолковывать эти понятия не (с)только как идеальные, но и как конкретные исторические типы с определенным социальным содержанием — методологически ошибочная, хотя и широко распространенная интерпретация классической концепции. Для такого рода заключений серьезные поводы, в том числе текстологического свойства, давал сам Тённис, который лишь в поздние годы жизни эксплицитно позиционировал свои ключевые понятия не только как средство описания фактической эволюции обществ, но и как инструмент их социологического анализа. Таким образом, общность как идеальный тип не тождественна фактически существовавшим в прошлом общинам — крестьянским, религиозным и т.д. То же верно и для понятия общества, как бы обозначающего определенную стадию культурного развития человечества, на которой в значительной мере исключены или дискриминированы традиционные общности, например, семейного, соседского или дружеского типа. Однако до сих пор невозможно представить ни одно общество позднего модерна без ключевых общностей, начиная с семьи, по-прежнему обеспечивающей физическое воспроизводство человечества, и заканчивая организованной преступностью с ее специфическими формами *Vergemeinschaftung* (банды, кланы и мафии) [9. С. 203–204]. В статье 1931 года «Мое отношение к социологии» Тённис утверждал, что не знает ни одного этапа развития человеческой культуры, в котором не присутствовали бы одновременно элементы как *Gemeinschaft*, так и *Gesellschaft* [43].

Поэтому необходимо постоянно иметь в виду двойственное применение им ключевых понятий *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*: с одной стороны, это исторически нагруженные термины, описывающие определенные стадии культурного развития и отражающие переход от патриархально-сословных к модерно-капиталистическим социальным формам (2), а с другой — это абстрактно-типологические категории, с помощью которых можно анализировать любые отношения в социальных группах независимо от конкретно-исторического контекста. В этой социологически

комплексной ситуации «столь соблазнительным кажется рассуждение, что *Gemeinschaft* уходит, уступая не только историческое, но и собственно территориальное место *Gesellschaft*. На самом же деле проблема состоит в том, может ли *Gesellschaft* вообще держаться самим собой: рациональностью, контрактом, а в дополнение — если кому-то будет недостаточно соображений выгоды и вытекающих из контракта обязательств — государственным насилием» [15. С. 417]. О центральном значении данной топике для фундаментальной социальной теории, связанной в дальнейшем прежде всего с творчеством Т. Парсонса и его оксюмороном «общественная общность» (3), будет сказано ниже.

Впервые понятийная пара *Gemeinschaft/Gesellschaft* в эксплицитной форме встречается, видимо, у Ф. Шлейермахера, причем в ранней традиции они употреблялись почти как синонимы. Тённис, будучи философски блестяще образованным автором и знатоком нововременной мысли (4), опирался на традицию употребления *Gemeinschaft* в европейской метафизике (например, у Лейбница и Канта). В свою очередь, она была связана с западной правовой традицией с ее ключевым понятием *commercium* («правоспособность заключать сделки») — совместное бытие или лежащие в его основе взаимодействия. Так, М. Вебер указывал в этой связи, что *commercium* в смысле устойчивых «общественных» отношений (вместе с *connubium* — «правоспособность вступать в брак») — типичный признак принципиального равенства статусов акторов, например, в рамках определенной сословной группы, объединенной как способом ведения жизни, так и специфическими конвенциональными понятиями чести и экономическими шансами, монополизированными посредством права [3. С. 67].

Применительно к *Gesellschaft* П.Б. Струве показывает, что в немецком и латинском его аналоге *societas* это слово изначально означало некую совокупность лиц и единство воли, а затем произошел перенос значения на объективное, не связанное с индивидуальными волями взаимодействие. Эта смена значения подтверждается и во французском эквиваленте *société*: если изначально латинское *societas* значило лишь связанность договором, т.е. относительно длительное обязательство [22. С. 624–631], то со временем происходит уплотнение смысла до более устойчивого образования. В результате французское *société* как социологическое понятие стало обозначать объективное взаимодействие, образованное волей людей, но не зависящее от индивидуальных волей. Тем самым значение радикально сдвигается с волюнтаристски-субъективистского «общества» (волевое единство или «одушевленное общество» Гербарта) на объективистское «общество» как социальное взаимодействие волений («система всесторонней зависимости» Гегеля (5)). В этом смысле прагматика ключевой для Тённиса категории *Gesellschaft* в рамках дальнейшего социологического образования понятий разошлась с волюнтаристской версией вплоть до полного отказа многих теоретиков использовать

термин «общество» как слишком абстрактный и не операционализируемый (Л. фон Визе) [36. С. 57–58].

Бинарная концепция Тённиса, как и вся возникшая тогда социология как форма саморефлексии обществ модерна, пытается зафиксировать новую социальную феноменологию в понятиях, пусть и не всегда совершенных и стилистически удачных. Поэтому неудивительно, что, несмотря на романтическую идеализацию отношений в рамках *Gemeinschaft* (6), при желании двум аналитически выявленным Тённисом базовым формам социальности можно найти в истории социологии функциональные аналоги: органическая и механическая солидарность, естественность — искусственность, закрытое и открытое общество, короткие и длинные социальные связи; формальные и неформальные группы, спонтанный и навязанный социальный порядок, жизненный мир — система и т.д. В этом контексте особый интерес представляет своеобразный подход к данной проблематике младшего современника Тённиса и основателя социологии Вебера. В отличие от третьего немецкого классика Г. Зиммеля, сделавшего центральной категорией *Vergesellschaftung* (родовой термин для процессов обобществления человека во всех видах социального взаимодействия (7), Вебер использовал пару процессуальных понятий, производных от *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* (8). Так, в девятом параграфе «Основных социологических понятий» он определяет *Vergemeinschaftung* как «социальное отношение, если и поскольку установка социального действия (в конкретном случае, в среднем или в чистом типе) базируется на имеющем аффективное или традиционное происхождение субъективном чувстве взаимопринадлежности участников»; а *Vergesellschaftung* — как «социальное отношение, если и поскольку установка социального действия базируется на рационально (ценностно- или целерационально) мотивированном компромиссе интересов или на точно так же мотивированном объединении интересов» [2. С. 98].

Далее Вебер подтверждает схожесть его парных понятий с тённисовскими, но подчеркивает различную исследовательскую прагматику: если Тённис придал паре «гораздо более специфическое содержание», то целью Вебера было построение «самых чистых типов». Типологически он относит к *Vergesellschaftung*-обобществлению такие виды отношений, как рыночный обмен на основе свободного договора в результате компромисса между противоположными, но взаимодополнительными интересами партнеров; целевое объединение в результате соглашения для преследования конкретных интересов участников; особый случай рациональной секты — ценностно-рационально мотивированное объединение единомышленников ради служения своему делу. Напротив, *Vergemeinschaftung*-обобществление опирается на аффективное, эмоциональное или традиционное основание и может принимать вид духовного братства, любовной связи, национального единства

или боевого товарищества, хотя и для Вебера в наиболее полной мере этот тип явлен в семейной связи [2. С. 99].

Во «Введении в социологию» 1931 года, написанном после смерти Вебера, Тённис отметил, что в знаменитой веберовской типологии социального действия только целерациональный тип соответствует социальности *Gesellschaft*, а ценностно-рациональный, аффективный и традиционный типы ближе к социальности *Gemeinschaft* [44. С. 6].

Согласно Веберу большая часть социальных отношений имеет признаки как *Vergemeinschaftung*, так и *Vergesellschaftung*. Так, самое рациональное и целенаправленное социальное отношение может порождать эмоциональные привязанности, выходящие за пределы первоначальной прагматики даже в случае торговца и его клиентов. Более того, любое *Vergesellschaftung*, ориентированное на долгосрочное совместное действие, в той или иной мере стремится к этому. Примерами подобных аффекто-генерирующих обобществлений у Вебера выступают даже такие формализованные учреждения, как воинское подразделение, школьный класс, контора и т.п., где взаимодействия не сводятся к сиюминутному достижению одного конкретного результата. И, наоборот, социальное отношение типа *Vergemeinschaftung* может получить целерациональное осмысление у своих участников. Вебер приводит все тот же пример семьи, членство в которой может в той или иной степени переживаться ее членами как общность, но при этом использоваться ими как обобществление типа *Vergesellschaftung* [2. С. 98].

Следует отметить, что отклик научной и широкой общественности нашло не первое издание «Общности и общества» 1887 года с коммунизмом и социализмом в подзаголовке, как можно было бы ожидать, а вышедшее спустя 25 лет второе издание 1912 года с понятиями чистой социологии в названии (9). При этом значительная часть успеха обусловлена не столько академическими, сколько общественно-политическими импликациями — в контексте общественно-политической борьбы в Германии понятие *Gemeinschaft* стало для многих неоромантических по стилю и антимодерных по направленности движений своего рода паролем. При этом многие немецкие (по)читатели Тённиса игнорировали аналитический статус его центральной категории, которая по сути реифицировалась в качестве наглядного образа или модели концептуально-практической альтернативы модерным формам социальности, вызывавшим отторжение у консервативной части интеллектуалов. В этом контексте в 1924 году вышла и малоизвестная книга Х. Плеснера «Границы *Gemeinschaft*. Критика социального радикализма»: он показал, что политизированное понятие *Gemeinschaft* превратилось в идол, т.е. ложный идеал эпохи. Возникший из ностальгии по утраченной целостности жизни социальный радикализм антибуржуазно настроенных интеллектуалов пытался выстроить духовную альтернативу жесткой и пресной общественной жизни модерна. Из идеи романтически-добродетельного сообщества исклю-

чались такие реальные его черты, как постоянное давление, авторитарность и необходимость самоотречения ради группы, наличие исключенных и отвергнутых и т.д. В результате вместо недостижимой праформы солидарности предлагался суррогат, в котором холодность межлических отношений в деловитой машинерии капиталистического общества заменялось фиктивной пламенностью жизни сообщества, переполняющей всех ее членов. Тем самым Плеснер пытается релятивировать преимущества общности как узкого пространства личного взаимодействия указанием на непреходящие ценности личной свободы, которые возможны лишь в большом обществе современного типа [34].

Другим крупным немецким социальным теоретиком, активно использовавшим понятие *Gemeinschaft* в 1920-е — 1930-е годы, был Х. Фрайер, видный представитель консервативной «революции справа» (10). Неожиданно для пламенного «консервативного революционера» он во многом соглашается с критическими оценками Плеснера высокой рыночной конъюнктуры понятия *Gemeinschaft* у правых интеллектуалов межвоенного периода. Более того, он обвиняет социологию в том, что она превратила вполне определенное, психологически наполненное и исторически насыщенное понятие в выхолощенный бессодержательный конструкт, применяемый без разбору ко всем социальным образованиям, в которых в той или иной мере между людьми прослеживается внутренняя взаимосвязь, лишенная эксплицитно выраженной рациональной цели. Для Фрайера это «не дефиниция, а разбазирование понятия *Gemeinschaft*. Тем безотлагательнее для социологии становится задача понимания *Gemeinschaft* в качестве конкретного структурного закона общественной жизни. Общность возникает не везде, где преодолевается дистанция, сливаются души и бьются в такт сердца. *Gemeinschaft* — это не бесцельная, интенсивная, счастливая и загадочно проистекающая человеческая совместность, скорее это вполне определенный структурный принцип социального мира, имеющее свои нерушимые предпосылки» [20. С. 241].

Фрайер предлагает рассматривать *Gemeinschaft* как укорененное в ряде конкретно-исторических форм образование, опирающееся на определенную констелляцию человеческих сил, и выделяет ряд его структурных признаков: все сообщества привязаны к пространству и являются реально телесным взаимодействием, так как не существует сообществ на дистанции или через опосредование; постоянное телесное соприкосновение — не внешний, а сущностный признак общности, поэтому не может быть дистанционного брака или воспитания детей; сообщества несводимы к сумме своих членов и имеют черты природных, доисторических образований, в которых поколения сменяются независимо от эпох; эти доисторические образования предшествуют государству, с которого и начинается культурная история человечества (Гегель); для членов сообщества характерно значительное духовно-душевное совпадение волеи в силу общего жизненного опыта и судьбы; в отношении

чужаков они предстают как когнитивное и эмоциональное единство, разделяющее совместное знание о мире; членство в сообществе носит закрытый, неиндивидуальный характер; здесь нет частного интереса и свободы выбора в современном смысле; в культурном отношении *Gemeinschaft* всегда предполагает единство языка как средства конституирования общего мира; внутренняя структура общности как целостной «мы»-группы не предполагает усреднения или нивелировки членов — единство не означает равенства, индивидуальное не подавляется, а входит посредством синтеза в «мы»; в отличие от индивидуализации современного типа, в *Gemeinschaft* действует принцип индивидуации через авторитет; его носители не выделяются из общности, а репрезентируют ее в качестве образца или ориентира; в *Gemeinschaft* нет господства в строгом смысле, так как нет различия между господствующими и подданными в смысле разной жизненной судьбы представителей разных духовных миров с отличающимися понятиями чести, дружбы и долга; переход от *Gemeinschaft* к *Gesellschaft* внутри общности невозможен, это всегда влияние извне; распад сообщества происходит одновременно с установлением господства в результате столкновения этнических групп, победы одной и подчинения другой или в антропологически более общем виде узурпации, навязывания и фиксации права, дифференцирующего членов группы по их статусу; как только появляется такого рода симптомы, в социальной действительности возникает историческое *Gesellschaft*» [20. С. 240–249].

Отмечая верность выявленного Тённисом направления развития конкретно-исторических форм социальности, Фрайер настаивал, что *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* — не просто две возможности человеческого общежития, а фактические этапы эволюции социальной действительности, следующие во времени в строго указанном порядке: структурно общность может стать только обществом, а общество всегда возникает из общности; реальный исторический процесс невозможен в обратную сторону [20. С. 182]. В рамках такого понимания природы и сущности общности задача систематической социологии состоит в выявлении промежуточных форм, в которых принципы *Gemeinschaft* проявляются в «нечистых» социальных образованиях, выступают как частичные феномены в общественных корпорациях или становятся одним из действующих мотивов во всех социальных ситуациях. Внутри рамочной социологической систематики Фрайер указывает на особую роль общностей как частичных образований с узким кругом членов во всех общественных порядках и на их уникальную способность возникать в условиях гетерогенности [20. С. 250–251].

После прихода нацистов к власти в Германии понятие (*Volks*)*gemeinschaft* стало основополагающим для построения расово ориентированной социологии в духе журнала «*Volksspiegel*». В результате классическая дихотомия надолго получила коричневый оттенок, а Тённис — несмотря на умеренно просвещенческий пафос и недолгое членство в социал-демократической пар-

тии — ретроспективно оказался чуть ли теоретиком фашизма. Наследию Тённиса не повезло из-за множества внетеоретически индуцированных недопонимания и заблуждений относительно его социологических интенций, не говоря уже об отчасти сознательных ложных интерпретациях жанра его *opus magnum* и эпистемологического статуса его категорий некоторыми реорганизаторами социологии в послевоенной Германии вроде Р. Кёнига [27. С. 27–52]. Другим источником антитённисовских предубеждений в интеллектуальной культуре молодой федеративной республики стал Плеснер, который пафосом неприятия *Gemeinschaft* оказал значительное влияние на немецкую социологию второй половины XX века. В результате базовая для классической социальной теории проблематизация разных типов социальности на десятилетия была дискредитирована как сомнительная попытка легитимации нерациональных, домодерных форм совместной жизни, как бы чреватых рецидивами нацизма [25].

Напротив, в США книга Тённиса активно изучалась ведущими социальными учеными, прежде всего в рамках Чикагской школы во главе с Р. Парком, а также Парсонсом, расширившим изначальную категориальную пару до *pattern variables*. В Америке интерес к данной проблематике был вызван нарастающими вызовами интеграции в растущих городских агломерациях, требовавшими и социально-теоретического решения. В качестве подходящей концептуальной рамки выступил *Gemeinschaft* — как социальная подсистема со специфическими модальностями/ожиданиями действия. Она получила новую релевантность как эффективный способ интеграции и стабилизации поведения атомизированных акторов в современных обществах. Таким образом, из (отчасти) ложно понятой формулы Тённиса «*Gemeinschaft vs Gesellschaft*» на американской почве возникла эвристически (более) продуктивная формула «*Gemeinschaft in Gesellschaft*», прежде всего усилиями Парсонса [28–32]. Создатель теоретически изощренной конструкции структурного функционализма выступил в роли посредника между европейским идейным наследием и американской социологией (11).

Во второй половине XX века возрождение социально-теоретического интереса к наследию Тённиса (и ряда других социологов) было связано с так называемыми дебатами о коммунитаризме [24]. В этом контексте классики социологии — прежде всего Тённис с его *Gemeinschaft* — как бы предугадали в своих понятийных конструкциях коммунитаристские дискурсивные элементы, предупреждая об угрозе отчуждения людей в современных массовых обществах. Несмотря на содержательную близость пафоса Тённиса к коммунитаристам, очевидно и различие: он считал неизбежным переход от ограничивающего, но поддерживающего *Gemeinschaft* к освобождающему, но обезличивающему *Gesellschaft*, а некоторые его современные последователи стремятся обнаружить противоположные тенденции («больше общности, меньше общества») (10), оценивая их позитивно — как новый шанс на уко-

рение людей в сообществах доверия в результате переосмысления потребности в близких или «коротких» взаимосвязях. Впрочем, в своем последнем труде «Дух нового времени» (1935) Тённис также настаивал на структурной необходимости общности как условия воспроизводства человеческой жизни, поэтому даже в рамках организованного модерна *Gemeinschaft* не исчезает, а постоянно возникает в том или ином виде, возрождая свою интегрирующую жизненную силу [45].

В любом случае элементы *Gemeinschaft* отчасти сохраняются внутри *Gesellschaft* как доминирующем в модерне типе социальности, пусть и в ограниченных или распадающихся формах. Следовательно, «в социальной жизни, как она есть, всегда есть смесь того и другого, но прежде было больше одного, а сейчас больше другого» [16. С. 101]. Поэтому ключевой вопрос для социальной теории — не преждевременное прощание с общностями, например, в связи с ослаблением семейных связей или с декларируемыми успехами секуляризации, а поиск адекватного для понимания феноменологии поздней современности аналитического инструмента, позволяющего эвристически продуктивно описывать и интерпретировать разнонаправленные тенденции и констелляции. Речь идет в том числе и о фиксации процессов сохранения и возникновения все новых способов обобществления в рамках обратного движения — от общества к общности, а не только о банальной констатации дальнейшего разложения и деградации первичных «мы»-групп под натиском больших организационных форм в духе известного тезиса Ю. Хабермаса о колонизации жизненного мира со стороны системы [16. С. 293].

Здесь мы возвращаемся к вопросу о судьбе *Gemeinschaft* в условиях модерна, ставшему центральным в немецкой социологии 1920-х — 1930-х годов и сохраняющему эвристически универсальную значимость благодаря рецепции Парсонса. В рамках его попытки решить проблему социального порядка (гоббсовской проблемы) посредством разделяемых норм и ценностей эта, казалось бы, историко-социологическая топика стала ключевой для социолого-теоретической реконструкции интеграции обществ современного типа. Изобретенный им оксюморон *societal community*, обычно переводимый как «социетальное сообщество», является словом-гибридом или понятием-кентавром (А.Ф. Филиппов), странным образом объединяющим оба типа социальности, эксплицированных Тённисом. Ведь в обратном переводе мы получаем контринтуитивное понятие *gesellschaftliche Gemeinschaft*, которое обозначает у Парсонса коммуникативно-экспрессивное ядро общества в роли его интегративной подсистемы. В ней сохраняется приоритет ценностно-рациональных и эмоционально-аффективных действий и осуществляется непрерывное согласование, казалось бы, непримиримых интересов. Парсонс до конца жизни развивал идею конститутивности для современных обществ системы общности в аспекте интеграции. Эту тему он развивает и в своей

последней работе об американском социетальном сообществе, опубликованной уже после его смерти [33].

В развитии проблематики *Gemeinschaft* от Тённиса через Вебера к Парсонсу заметна тенденция к семантической динамике: общность рассматривается уже не как целостная форма социальности, а скорее как один из случаев *pattern variables* — ценностная определенность целей действия или релевантных для него принципов. *Gemeinschaft* отождествляется с определенным качеством социальных отношений или с лежащими в их основе мотивами действия. В ходе теоретической эволюции исходные парные понятия *Gemeinschaft/Gesellschaft* все больше выступают как абстрактные полюса континуума социального действия. В социальной реальности речь всегда идет о смешанных, т.е. о комплексных и многообразных формах, состоящих как из общностных, так и общественных компонентов. Так, сегодня анализ ситуации действия осложняется проникновением элементов общественного в исторически ранние общностные формы совместной жизни. Для них всех характерны как социальная связанность, так и дистанция — в разной мере и в разных констелляциях. При этом центральной темой социологии культурного пессимиста Тённиса было единство исторической действительности, несмотря на все более тотализирующую угрозу для ценностей *Gemeinschaft* со стороны императивов *Gesellschaft* в процессе утверждения в Новое время в качестве системно доминирующей рационально-капиталистической формы социальности.

Попыткой образования парных понятий — во многом эвристически неудавшейся — Тённис стремился обосновать общностные условия возможности общественных отношений. В этом смысле для всех последующих поколений социологов сохраняется задача поиска адекватного концептуального и категориального решения тённисовского парадокса одновременности и переходности *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* в эпоху модерна: «Как и в общности, в обществе конструируется круг людей, которые мирно уживаются и соседствуют, но не связаны сущностно, а разделены. И если там они связаны, несмотря на все разделения, то здесь они разделены, несмотря на все связи» [40. С. 34].

Информация о финансировании

Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Стратегии нормализации повседневности в чрезвычайных ситуациях: инерция аффекта и открытость вызовам», реализуемого Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ в 2023 году в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Примечания

- (1) Известный русский политический деятель и мыслитель П.Б. Струве, специально учававший идейное наследие Тённиса, указывал на метафизичность такого социологического волюнтаризма, эпистемологически осмысленного лишь в том случае, если за «волей» предполагается наличие субъекта: «Если тённисовское *Gemeinschaft* еще

можно помыслить как наделенное волей, то никак не *Gesellschaft*... Согласно логике самого Тённиса, *Gesellschaft* должно мыслиться бессубъектным и тем самым эмпирически не обладающим волей. *Ex hypothesi* у него не может быть ни “сущностной воли”, ни “избирательной”» [36. P. 56; 11].

- (2) Ср.: «В своей концепции Тённис создает систему чистых формальных категорий. Он не описывает реальность как таковую при помощи категорий “*Gemeinschaft/Gesellschaft*”, а конструирует чистые понятия, идеальные типы. При этом, как и обычно в таких случаях, описание идеального типа нередко оказывается в опасной близости — вплоть до полной неразличимости — от описания реальности как таковой» [14. С. 244].
- (3) Примечательно, что Парсонс признавал странность своей конструкции «социетальное сообщество» (*societal community*), придуманной им в развитие AGIL-схемы для обозначения интегративной подсистемы, которая отвечает за воспроизводство нормативного порядка путем сочленения системы норм с коллективной организацией [См.: 10. С. 23–32].
- (4) Помимо работ о Т. Гоббсе и К. Марксе ему принадлежит труд по философской терминологии [38; 39; 41].
- (5) Ср.: «Эгоистическая цель, обусловленная таким образом в своем осуществлении всеобщностью, обосновывает систему всеобщей зависимости, так что средства к существованию и благо единичного и его правовое наличное бытие переплетены со средствами существования, благом и правом всех, основаны на этом и только в этой связи действительны и обеспечены» [4. С. 228].
- (6) Критики неоднократно обращали внимание на метафизический стиль Тённиса, напоминающий скорее пафос пессимистической философии истории, нежели трезвый социально-научный анализ «основных понятий чистой социологии». Так, Т. Гайгер, отмечая усилия классика по разработке идеальных типов и классификации групп, точно подметил жанровое несоответствие его главного труда: «При всем стремлении Тённиса-ученого к холодной объективности, все же часто в нем говорит горячий и страстный человек. Разве не чувствуется в каждой строчке теории *Gemeinschaft* укорененного северного человека любовной привязанности ко всему, что кровно вызрело и возникло, тогда как в теории *Gesellschaft* тут и там отчетливо звучат звуки недовольства, обвинения и даже отвращения?» [21. С. 338–374].
- (7) «Большая социология» Зиммеля 1908 года носит подзаголовок «Исследования форм обобществления» [35].
- (8) Еще в рубежной для генезиса веберовского учения статье 1913 года «О некоторых категориях понимающей социологии», говоря о *Vergesellschaftung* и *Vergemeinschaftung*, он сконструировал другую пару понятий — общественно-ориентированного действия (*Gesellschaftshandeln*) и общностно-ориентированного действия (*Gemeinschaftshandeln*) [1. С. 509–522].
- (9) Ситуация отчасти напоминает современную российскую: за двадцать лет после выхода русского перевода «Общности и общества» в 2002 году практически не было содержательных откликов профессионального сообщества на книгу [5. С. 144].
- (10) Когда в 1934 году Фрайер сменил Тённиса на посту председателя Немецкого социологического общества, Л. фон Визе иронически назвал его «фюрером социологии» [19].
- (11) По иронии судьбы Парсонс умер 8 мая 1979 года в Мюнхене, спустя несколько дней после торжественной церемонии в честь пятидесятилетия присвоения ему докторской степени Университетом Гельдельберга.
- (12) Ср.: «Если в трактовке многих социологов современность представляла как торжество рациональности и расчета, то Тённис стремился выявить в ней противоположную тенденцию: от разобщенности к единству, от экономики — к политике, от договора — к этической общности, от рационального союза — к народу как носителю государства-корпорации» [16. С. 122–123].

Библиографический список / References

1. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Избранные произведения. М., 1990 / Weber M. O nekotoryh kategoriyah ponimayushchej sotsiologii [On some categories of interpretative sociology]. *Selected Works*. Moscow; 1990. (In Russ.).
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. 1. Социология. М., 2016 / Weber M. *Khozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchej sotsiologii. T. 1. Sotsiologiya* [Economy and Society: Essays on Interpretative Sociology: In 4 vols. Vol. 1. Sociology]. Moscow; 2016. (In Russ.).
3. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий: Опыты сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. СПб., 2017 / Weber M. *Khozyajstvennaya etika mirovyh religij: Opyty sravnitelnoj sotsiologii religii. Konfutsianstvo i daosizm* [The Economic Ethic of the World Religions: Essays on Comparative Sociology of Religion. Confucianism and Taoism]. Saint Petersburg; 2017. (In Russ.).
4. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990 / Hegel G.W.F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow; 1990. (In Russ.).
5. Головин Н.А. Заметки к публикации «Предисловия П.А. Сорокина» // Социологический журнал. 2019. № 1 / Golovin N.A. *Zametki k publikatsii Predisloviya P.A. Sorokina* [Notes to the publication «Preface by P.A. Sorokin»]. *Russian Sociological Journal*. 2019; 25 (1). (In Russ.).
6. Давыдов Ю.Н., Филиппов А.Ф. Сообщество и общество // Современная западная социология. Словарь. М., 1990 / Davydov Yu.N., Filippov A.F. *Soobshchestvo i obshchestvo* [Community and society]. *Sovremennaya zapadnaya sotsiologiya. Slovar*. Moscow; 1990. (In Russ.).
7. Ионин Л.Г. Социологическая концепция Фердинанда Тённиса // История буржуазной социологии XIX — начала XX века. М., 1979 / Ionin L.G. *Sotsiologicheskaya konceptsiya Ferdinanda Tönniesa* [Sociological concept of Ferdinand Tönnies]. *Istoriya burzhuaznoj sotsiologii XIX — nachala XX veka*. Moscow; 1979. (In Russ.).
8. Кулыгин В.П. Тённис Фердинанд // Социологическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М., 2003 / Kulygin V.P. *Tönnies Ferdinand*. *Sotsiologicheskaya Entsiklopediya*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow; 2003. (In Russ.).
9. Малинкин А.Н. О жизни и творчестве Фердинанда Тённиса // Социологический журнал. 1998. № 3–4 / Malinkin A.N. O zhizni i tvorchestve Ferdinanda Tönniesa [On the life and work of Ferdinand Tönnies]. *Russian Sociological Journal*. 1998; 3–4. (In Russ.).
10. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997 / Parsons T. *Sistema sovremennyh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Moscow; 1997. (In Russ.).
11. Струве П.Б. Фердинанд Тённис (1855–1936). К оценке его социально-философского и социологического творчества // Избранные сочинения. М., 1999 / Struve P.B. Ferdinand Tönnies (1855–1936). K otsenke ego sotsialno-filosofskogo i sotsiologicheskogo tvorchestva [On his social-philosophical and sociological works]. *Selected Works*. Moscow; 1999. (In Russ.).
12. Тённис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. 1998. № 3–4 / Tönnies F. *Obshchnost i obshchestvo* [Community and society]. *Russian Sociological Journal*. 1998; 3–4. (In Russ.).
13. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002 / Tönnies F. *Obshchnost i obshchestvo. Osnovnye ponyatiya chistoj sotsiologii* [Community and Society. Basic Concepts of Pure Sociology]. Saint Petersburg; 2002. (In Russ.).
14. Филиппов А.Ф.Ф. Тённис как основоположник немецкой социологии // История теоретической социологии. Социология 19 века: от появления новой науки до предвестников ее первого кризиса. М., 2010 / Filippov A.F.F. *Tönnies kak osnovopolozhnik nemetskoj sotsiologii* [Tönnies as the founder of German sociology]. *Istoriya teoreticheskoy sotsiologii. Sotsiologiya 19 veka: ot poyavleniya novoy nauki do predvestnikov ee pervogo krizisa*. Moscow; 2010. (In Russ.).

15. Филиппов А.Ф. Между социологией и социализмом: введение в концепцию Фердинанда Тённиса // Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002 / Filippov A.F. *Mezhdu sotsiologiej i sotsializmom: vvedenie v kontseptsiyu Ferdinanda Tönnies* [Between sociology and socialism: An introduction to the concept of Ferdinand Tönnies]. Tönnies F. *Obshchnost i obshchestvo. Osnovnye ponyatiya chistoy sotsiologii*. Saint Petersburg; 2002. (In Russ.).
16. Филиппов А.Ф. Элементарная социология. Введение в историю дисциплины. М., 2019 / Filippov A.F. *Elementarnaya sotsiologiya. Vvedenie v istoriyu discipliny* [Elementary Sociology. An Introduction to the History of the Discipline]. Moscow; 2019. (In Russ.).
17. Философский словарь. М., 2003 / Filosofsky Slovar [Philosophical Dictionary]. Moscow; 2003. (In Russ.).
18. Щацкий Е. История социологической мысли. Т. 1. М., 2018 / Szacki J. *Istoriya sotsiologicheskoy mysli. T. 1* [History of Sociological Thought. Vol. 1.]. Moscow; 2018. (In Russ.).
19. Clingemann C. *Soziologie im Dritten Reich*. Baden-Baden; 1996.
20. Freyer H. *Soziologie als Wirklichkeitswissenschaft: Logische Grundlegung des Systems der Soziologie*. Leipzig–Berlin; 1930.
21. Geiger Th. Die Gruppe und die Kategorien Gemeinschaft und Gesellschaft. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. 1927; 58 (2).
22. Girard P.F. *Geschichte und System des römischen Rechtes*. Berlin; 1908.
23. Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns*. Band 2. Frankfurt am Main; 1981.
24. Honneth A. (Hrsg.). *Kommunitarismus. Eine Debatte über die moralischen Grundlagen moderner Gesellschaften*. Frankfurt–New York; 1993.
25. Lepenies W. *Kultur und Politik — Deutsche Geschichten*. München; 2006.
26. Mannheim K. Das konservative Denken. Soziologische Beiträge zum Werden des politisch-historischen Denkens in Deutschland. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. 1927; 57.
27. Merz-Benz P.-U. Die Überwindung des Individualismus und das Theorem von Gemeinschaft und Gesellschaft — Ferdinand Tönnies und der Kommunitarismus. *Schweizerische Zeitschrift für Soziologie*. 2006; 32 (1).
28. Parsons T. *The Structure of Social Action. A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers*. New York–London; 1937.
29. Parsons T. *The Social System*. New York; 1951.
30. Parsons T. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs; 1966.
31. Parsons T. *The System of Modern Societies*. Englewood Cliffs; 1971.
32. Parsons T. Some afterthoughts on “Gemeinschaft and Gesellschaft”. Cahnmann W.J. (Ed.). *Ferdinand Tönnies: A New Evaluation. Essays and Documents*. Leiden; 1973.
33. Parsons T. *American Society. A Theory of the Societal Community*. Boulder–London; 2007.
34. Plessner H. *Grenzen der Gemeinschaft: eine Kritik des sozialen Radikalismus*. Bonn; 1924.
35. Simmel G. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. *Georg Simmel Gesamtausgabe*. Band 11. Frankfurt am Main; 1992.
36. Struve P. Ferdinand Tönnies (1855–1936). Zur Würdigung seines sozialphilosophischen und soziologischen Schaffens. *Zeitschrift für Nationalökonomie*. 1937; 8 (1).
37. Tönnies F. *Gemeinschaft und Gesellschaft. Abhandlungen des Communismus und des Socialismus als empirischer Culturformen*. Leipzig; 1887.
38. Tönnies F. *Thomas Hobbes — Leben und Lehre*. Stuttgart; 1896.
39. Tönnies F. *Philosophische Terminologie in psychologisch-soziologischer Ansicht*. Leipzig; 1906.
40. Tönnies F. *Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie*. Berlin; 1912.
41. Tönnies F. *Marx. Leben und Lehre*. Jena; 1921.
42. Tönnies F. *Soziologische Studien und Kritiken*. Jena; 1925.

43. Tönnies F. Mein Verhältnis zur Soziologie. *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie*. 1931; 2.
44. Tönnies F. *Einführung in die Soziologie*. Stuttgart; 1931.
45. Tönnies F. *Geist der Neuzeit*. Leipzig; 1935.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-9-25

The categorical dichotomy Gemeinschaft/Gesellschaft in sociological classics: Tönnies — Weber — Freyer — Parsons*

O.V. Kildyushov

National Research University Higher School of Economics,
Myasnitckaya St., 20, Moscow, 101000, Russia
(e-mail: kildyushov@mail.ru)

Abstract. The article considers the history of the conceptual pair Gemeinschaft/Gesellschaft (community/society) used by classics of sociology to explain the fundamental difference of modern society from the previous forms of social life. The author emphasizes the popularity of these categories as identifying the temporally successive types of sociality: Gemeinschaft refers to the original form of traditional organic community, and Gesellschaft — to the mass urbanized society of the modern age. The article shows the structural relationship between the early sociological concepts and the philosophy of modern history as an analytical (self)description of modern societies. The article reconstructs the development of Ferdinand Tönnies' views, who introduced the pair Gemeinschaft/Gesellschaft as an analytical tool for social theory and challenged the opposition of these two types of social integration by emphasizing their presence in every social interaction. The author briefly outlines Max Weber's perception of this conceptual pair in the form of Vergemeinschaftung/Vergesellschaftung social relations as ideally-typically value-oriented and instrumentally rational. The article explains the drastic politicization of the Gemeinschaft semantics in inter-war Germany — the term became a marker of the social-political polarization. Then the author focuses on the differentiated theory of Gemeinschaft developed in Hans Freyer's sociology and on the Nazis' attempt to make this term a basis of their theory of homogeneous society. The article considers the reception of Tönnies' categories in American sociology, especially by Talcott Parsons, and highlights his contribution to the theory of socialization and integration of large societies with small solidarity groups. The last part of the article emphasizes the significance of the conceptual pair for the theory of late modernity — its structure of social action consists of elements of both community and society.

Key words: Gemeinschaft; Gesellschaft; sociality types; communities of solidarity; modern society; social integration; Tönnies; Weber; Freyer; Parsons

Funding

The publication was prepared within the research project of the Center for Fundamental Sociology of the National Research University — Higher School of Economics «Strategies for normalizing everyday life in emergency situations: Inertia of affect and openness to challenges» as a part of the Basic Research Program of the HSE in 2023.

* © O.V. Kildyushov, 2023

The article was submitted on 16.09.2022. The article was accepted on 10.12.2022.